

ПСИХОПАТОЛОГИЯ КАК КУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМА

Николай Дмитриевич Узлов

Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования и профессионального обучения, 117556, г Москва, Варшавское ш., 79, к.2, e-mail: knots51@mail.ru

Реферат

В контексте моделей современного общества (модернизм, постмодернизм и пост-постмодернизм) рассмотрены соответствующие им психопатологические феномены в виде невроза, шизофрении, а также шизотипического расстройства, псевдоаутизма и цифрового слабоумия.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, диджимодернизм, психопатология, культурная парадигма, невроз, шизофрения, шизотипическое расстройство, аутизм, цифровое слабоумие.

PSYCHOPATOLOGY AS A CULTURAL PARADIGM

Nikolaj D. Uzlov

National Research Institute of Additional Professional Education and Professional Training, 117556, Moscow, Warsaw highway, 79, office 2, e-mail: knots51@mail.ru

Abstract

In the context of models of modern society (modernism, postmodernism and post-postmodernism), psychopathological phenomena are considered that correspond to them in the form of neurosis, schizophrenia, as well as schizotypal disorder, pseudo-autism and digital dementia.

Keywords: modernism, postmodernism, digimodernism, psychopathology, cultural paradigm, neurosis, schizophrenia, schizotypal disorder, autism, digital dementia.

В современном обществоведении, философии и культурологии рассматривают три вида общества [1]:

1) традиционное, основанное на преобладании духовных ценностей, воплощённых в религии, культе, мифе, ритуале, идеях вечности, системе запретов и предписаний;

2) общество модерна, базирующееся на приоритетах рациональности, науки, детерминизма, относительности, развития, общественного договора, презрения к традиции и др.;

3) постмодернизма — виртуализация реальности, признание иллюзорности всего, мир симулякров, теория множественности миров, игровой характер индивидуальной и социальной жизни, культ иррационального, произвольного и случайного, отказ от авторитета и традиции, приоритет телесности над разумом, признание обратимости времени и «конца истории» и др.

Психиатрия, как показал М. Фуко, формировалась не столько как область медицинского знания, сколько как отрасль общественной гигиены, как институт психопрофилактики, защиты общества от всевозможных опасностей, с которыми оно может столкнуться вследствие болезни или всего того, что прямо или косвенно связано с болезнью [2]. Её становление и превращение в медицинскую науку совпало с периодом позднего модернизма, и уже в начале XX века, особенно с развитием психоанализа, она стала претендовать на объяснение центральных проблем бытия человека. Вторая половина и конец XIX века — это диагностическая популярность и мода на **истерию**, в исследовании которой Ж.-М. Шарко стал знаменитым, а З. Фрейд и И. Брейер взрастили на её почве психоанализ [3].

Однако в полной мере психопатологической парадигмой западной культуры периода модерна всё же можно считать **невроз** в более широком его толковании с его психотравмами, интрапсихическими конфликтами, моральными дилеммами, проблемой выбора, фрустрацией и одиночеством. Наиболее яркими «пропагандистами» этого направления были Карен Хорни («Невротическая личность нашего времени», 1931; «Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию», 1950) [4, 5] и Эрих Фромм («Бегство от свободы», 1941) [6] и др.

С середины XX века главным образом благодаря французским философам (Лиотар Ж.Ф., Лакан Ж., Фуко М., Бодрийяр Ж., Деррида Ж. и др.) получило развитие мировоззрение, характеризующееся в общем виде недоверием к традиционным реалистическим концепциям — постмодернизм, который проявил себя во многих сферах — литературе, искусстве, кинематографе, масс-медиа и т.п. Ключевое понятие в философии постмодерна — желание, лежащее в основе понимания сущности человека, его социальности, общественного производства. Бессознательное — не что иное, как «желающее производство», а человек — всего лишь машина желания.

Эту идеологию человека-машины активно развивали Ж. Делез и Ф. Гваттари, основатели одного из современных направлений в философии постмодернизма, которое они назвали «шизоанализ» в своём двухтомном труде «Анти-Эдип: капитализм и шизофрения» (1972–1980). Они противопоставляли обще-

ственное производство и производство желания, стараясь доказать, что именно последнее в общественной жизни играет определяющую роль. Подавление желаний приводит к шизофрении, которую они называли «болезнью века» или «болезнью конца века». Однако это не пассивная клиническая шизофрения, требующая биологической терапии, а активная «нигилистическая» шизофрения, которая лечится деятельностью по исполнению своих желаний.

Суть шизофрении, согласно постмодернистам, заключается в том, что «шизофрения как процесс — это производство желаний, но такой она представляется в конце истории как предел социального производства, условия которого определяются капитализмом. Это наша собственная болезнь, болезнь современных людей. Конец истории не имеет иного смысла» [7]. Если в предшествующие эпохи потоки желаний подвергались определённому кодированию и перекодированию с помощью религиозных, моральных, правовых и других норм, несоблюдение которых приводило, как минимум, к столкновению интересов социума и отдельной личности или к более глубокому эдипальному невротическому (по З. Фрейду) внутреннему конфликту, то капитализм вынужден декодировать их, иными словами, освободить от всех культурных ограничений, которые плодят шизофреников. Декодированный субъект, согласно интерпретации создателей шизоанализа, — индивид, сознательно отвергающий каноны (нормы) общества во имя освоения своего «производящего желания», своей человеческой природы, своего естества.

В.П. Руднев, отечественный философ и семиотик, один из специалистов в области философии психопатологии, пишет, что «вопрос о том, почему культура XX века “заболела” шизофренией, в определённом смысле можно рассматривать как один из ключевых в исследовании философии безумия», более того, утверждает он: «философия безумия» и «культура XX века» — это во многом синонимы. Что-то накопилось в истории *homo sapiens*, и эта болезнь из маргинальной стала центральной [8, с. 350].

Современный этап развития общества характеризуется стремительным развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта, пустивших свои корни (ризому) практически во все сферы человеческой деятельности. Этот период знаменует завершение постмодернистского проекта и зарождение новой эпохи, которую британский философ Алан Кирби назвал «диджимодернизмом» (цифровым модернизмом, «digital modernism») [9]. По сути этот переход означает практически полное слияние объективной и виртуальной реальностей, offline и online, жизнь в «матрице», тотальную симулякризацию массового сознания (концепция пост-правды, фейковые новости, моделирование искусственных личностей, разработка носимых и имплантируемых нейроинтерфейсов и пр.) и, как следствие, повышенную внушаемость и подвер-

женность манипуляциям. Возникла также иллюзия цифрового бессмертия: одной из причин готовности подростков совершить суицид под влиянием социальных сетей является вера в то, что в глубине интернета (Deep Web) находится некое место, своеобразный рай, «Тихий дом», где виртуализированная личность обретает вечный покой и счастье [10].

Возникает вопрос: какой психопатологической модели будет соответствовать человек новой цифровой формации?

По мнению В.П. Руднева, к концу второй половины XX века шизофреническая направленность культуры стала себя истощивать, и на смену культурной шизофрении пришла постшизофрения, то есть произошла актуализация шизотипического начала в культуре [8, с. 355]. Согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра, под шизотипическим расстройством (F21) подразумевают психотическое нарушение, не подходящее по формальным диагностическим критериям для диагноза шизофрении. В нём нет всех необходимых симптомов, или они слабо выражены, стёрты. Для таких пациентов характерны отчуждённость, социальная изоляция, обеднённые или неадекватные эмоции, странности, эксцентричность, особенности в поведении и внешнем виде, а также причудливости когнитивной сферы [11].

Алан Кирби полагает, что раннему периоду диджимодернизма (наше время) соответствует «псевдоаутизм» — аналог расстройства аутистического спектра, напоминающий синдром Аспергера (F84.5), которому свойственны отстранённость и замкнутость. В качестве аргумента приводятся эпидемиологические данные о значительном увеличении количества таких детей (до 10 раз и более) за последние 10 лет [12]. Причинами роста аутизации А. Кирби считает техническую революцию (интернет, социальные сети, мобильные телефоны, видеоигры и пр.), позволяющую людям существовать в своеобразном «коконе», избегая личной коммуникации и довольствуясь текстом, а также популяризацию социопатии в массовой культуре.

Своеобразный аналог такого затворничества — молодёжные движения хиккикомори и поколение «ни-ни» NEET (Not in Education, Employment, or Training). По данным Центра стратегических разработок, в России в 2019 г. насчитывалось около 8–10% молодых людей, которых можно причислить к добровольным затворникам или самозанятым [13]. Ситуацию значительно усугубила пандемия коронавирусной инфекции, фактически легитимизировав удалённую работу, дистанционное обучение и самоизоляцию.

Ещё один диагноз, который ставят современному пост-постиндустриальному обществу, — цифровое слабоумие (digital dementia). Это специфическое состояние мозга, которое развивается у молодых людей, пребывающих в новой цифровой среде, которые с рождения пользуются гаджетами, смотрят современные видео с очень быстрой нарезкой, привыкли

воспринимать визуальный контент и очень плохо воспринимают что-либо на слух, если это нужно себе представлять. Их мышление называют клиповым. Оно характеризуется быстротой, конкретностью, визуальностью, фрагментарностью (отсутствием целостного восприятия), ориентацией на понятия меньшей степени общности, алогичностью, лабильностью — в противовес понятийному мышлению, отличающемуся глубиной обдумывания, логической последовательностью, способностью к анализу-синтезу, критичностью [14].

Феномен цифрового слабоумия был впервые описан учёными Южной Кореи в 2007 г., которые стали отмечать, что всё больше подростков, пользующихся гаджетами, страдают потерей памяти, расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией, низким уровнем самоконтроля [15].

Аналог цифрового слабоумия — «информационная псевдодебилность» (термин предложен А.В. Курпатовым) [16]. Информационная псевдодебилность — медицинский термин, обозначающий психическое расстройство, при котором человек проявляет признаки слабоумия вследствие чрезмерного потребления информации, что приводит к сильному отставанию в развитии, ухудшению памяти, рассеянности, низкому уровню самоконтроля.

Таким образом, мы имеем несколько альтернатив трансформации психики под влиянием цифровых технологий и погружения в виртуальную реальность. Под каким психопатологическим флагом будет двигаться вперёд человечество — покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А.Г. *Обществоведение для граждан Новой России*. М.: Евразийское движение. 2007; 780 с. [Dugin A.G. *Obshchestvovedenie dlya grazhdan Novoy Rossii*. (Civics for citizens of the New Russia.) M.: Evraziyskoe dvizhenie. 2007; 780 p. In Russ.]]
2. Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. СПб.: Университетская книга. 1997; 576 с. [Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu ehpokhu*. (History of insanity in the classical era.) SPb.: Universitetskaya kniga. 1997; 576 p. In Russ.]]
3. Фрейд З. *Полное собрание сочинений в 26 томах*. Том 1. Исследования истерии. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа. 2020; 464 с. [Freud Z. *Polnoe sobranie sochineniy v 26 tomakh*. Tom 1. Issledovaniya isterii. (Complete works in 26 volumes. Vol. 1. Studies of hysteria.) Saint Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis. 2020; 464 p. In Russ.]]
4. Хорни К. *Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию*. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа. 1997; 316 с. [Horney K. *Nevroz i lichnostnyy rost. Bor'ba za samorealizatsiyu*. (Neurosis and human growth. The struggle toward selfrealization.) Saint Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis. 1997; 316 p. In Russ.]]
5. Хорни К. *Невротическая личность нашего времени*. СПб.: Питер. 2002; 224 с. [Horney K. *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni*. (The Neurotic personality of our time.) Saint Petersburg: Piter. 2002; 224 p. In Russ.]]

6. Фромм Э. *Бегство от свободы*. М.: АСТ. 2011; 288 с. [Fromm E. *Begstvo ot svobody*. (Escape from freedom.) Moscow: AST. 2011; 288 p. In Russ.]]
7. Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория. 2007; 672 с. [Deleuze G., Guattari F. *Anti-Ehdip: kapitalizm i shizofreniya*. (Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia.) Yekaterinburg: U-Factoria. 2007; 672 p. In Russ.]]
8. Руднев В.П. *Словарь безумия*. М.: Независимая фирма «Класс». 2005; 400 с. Rudnev V.P. *Slovar' bezumiya*. (Dictionary of madness.) Moscow: Independent firm "Class". 2005; 400 p. In Russ.]]
9. Kirby A. *Digimodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. New York, London: Continuum. 2009; 288 p.
10. Тодоров В. *Дьявол в деталях. Откуда в «группах смерти» сатанинские символы и легенды из глубин интернета*. <https://lenta.ru/articles/2016/05/24/devildarknet/> (дата обращения 18.08.2020). [Todorov V. *D'yavol v detalyakh. Otkuda v "gruppakh smeti" sataninskie simvol i legendy iz glubin inrenet*. (The devil in details. From where are the satanic symbols and legends from the depths of the Internet in the "death groups".) <https://lenta.ru/articles/2016/05/24/devildarknet/> (access date: 18.08.2020). In Russ.]]
11. Коцюбинский А.П. Шизотипическое расстройство. В кн.: *Психиатрия*. Национальное руководство. Под гл. ред. Ю.А. Александровского, Н.Г. Незнанова. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа. 2018; 528–550. [Kotsyubinskiy A.P. Shizotipicheskoe rasstroystvo. In: *Psikhiatriya*. Natsional'noe rukovodstvo. (Psychiatry. National leadership.) Ed. Yu.A. Aleksandrovsky, N.G. Neznanov. 2nd ed. M.: GEOTAR-Media. 2018; 528–550. In Russ.]]
12. Филиппова Н.В., Барыльник Ю.Б. Эпидемиология аутизма. *Социал. и клин. психиатрия*. 2014; 24 (3): 96–101. [Filippova N.V., Baryl'nik Yu.B. Epidemiology of autism. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*. 2014; 24 (3): 96–101. In Russ.]]
13. Зайцева Д. *Почему молодёжь не хочет ни учиться, ни работать*. <https://heroine.ru/pochemu-molodezh-ne-hochet-ni-uchitsya-ni-rabotat/> (дата обращения 18.08.2020). [Zaytseva D. *Pochemu molodezh' ne khochet ni uchi't'sya, ni rabotat'*. (Why young people don't want to study or work.) <https://heroine.ru/pochemu-molodezh-ne-hochet-ni-uchitsya-ni-rabotat/> (access date: 18.08.2020). In Russ.]]
14. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде. *Наукoведение*. 2014; 5 (24). <http://naukovedenie.ru> (дата обращения: 11.08.2020). [Semenovskikh T.V. Psychological and pedagogical determinants of academic fraud in research works of students. *Naukovedenie*. 2014; 5 (24). <http://naukovedenie.ru> (access date: 11.08.2020). In Russ.]]
15. Шпитцер М. *Антимозг: цифровые технологии и мозг*. М.: АСТ. 2012; 288 с. [Spitzer M. *Antimozg: tsifrovye tekhnologii i mozg*. (Anti-brain: digital technologies and the brain.) M.: AST. 2012; 288 p. In Russ.]]
16. Курпатов А.В. *Чертоги разума. Убей в себе идиота!* СПб.: Капитал. 2018; 417 с. [Kurpatov A.V. *Chertogi razuma. Ubey v sebe idiota!* (Halls of the mind. Kill the idiot in you!) Saint Petersburg: Capital. 2018; 417 p. In Russ.]]

Поступила 18.08.2020; принята в печать 03.09.2020.